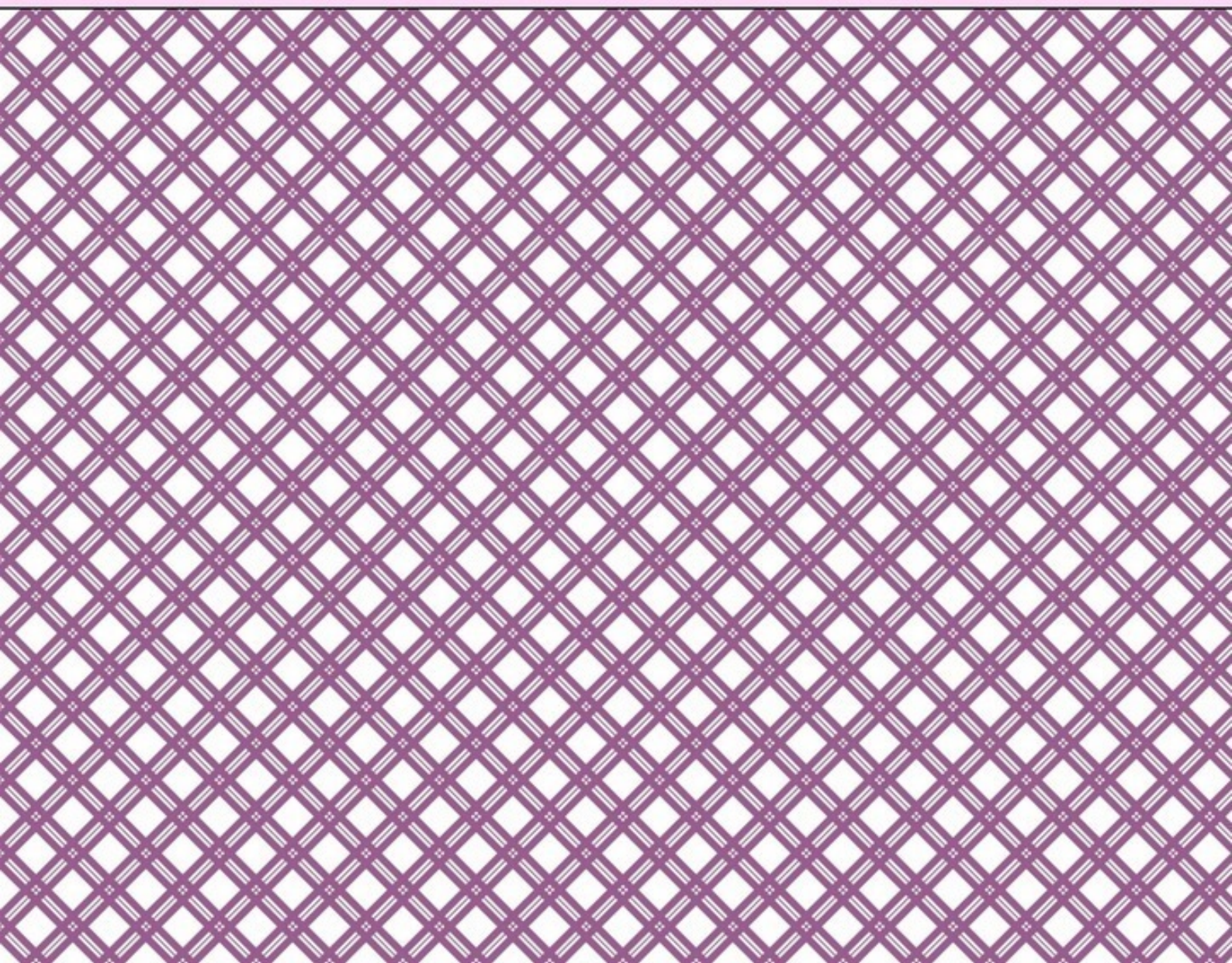

Стефка Модар

*Секс
в мегаполисе*

Стефка Модар

Секс в мегаполисе

«Издательские решения»

Модар С.

Секс в мегаполисе / С. Модар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834706-1

Те, кто приезжают в мегаполис, зачастую теряется в толпе, но некоторые, такие, как героини данного романа, вошли в него с единственной мечтой: найти в нём своё место под солнцем. Только чего это им стоило, чтобы искать место под солнцем, не ломая себя, становиться женщинами — любимыми, любящими, в конце концов, проходя уроки любви, разочаровываться, мечтать, добиваться цели. Секс не всегда похоть, зачастую это прелюдия большой любви...

ISBN 978-5-44-834706-1

© Модар С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Девичье Братство	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Секс в мегаполисе

Стефка Модар

© Стефка Модар, 2016

ISBN 978-5-4483-4706-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Девичье Братство

Осень. Москва, 2014 год.

Был уже поздний вечер, казалось бы, не предвещающий ничего, что могло бы перевернуть жизнь на 180 градусов. Молодая женщина, сидящая в серебристом «Лексусе» задумавшись, смотрела невидящим взглядом в лобовое стекло и тихо шептала:

– Гад, я тебе этого не прощу.

По щекам струйками бежали слёзы сквозь них она едва заметила движущийся женский силуэт. Почувствовав удар, выйдя из транса резко затормозив, в испуге осмотрелась по сторонам. В голове мелькнуло: «Чёрт, кажется, кого-то сбила...»

Тут же выбежав из машины, поспешила узнать всё ли в порядке? Сердце защемило, перед ней была девочка подросток.

Та, подняв голову на насмерть перепуганную женщину, неожиданно для себя узнала в ней известную по сериалам актрису кино Анну Кропоткину.

Анна действительно была не на шутку перепугана. До сих пор не могла понять, как это могло с ней произойти? Ведь она очень хорошо водила машину. До этого момента с ней подобного инцидента вообще никогда не было. Сквозь распалённый мозг, накрыв с головой, прошло взрывной волной: «Это всё от успокоительных таблеток». Она содрогнулась.

Анна действительно их принимала вот уже как три дня. Душа вскипела от очередной мысли, что вконец напугала: «Это всё из-за него!...»

Буквально на днях её бросил любовник, найдя себе молодую пассию.

Отгнав мысли, что роем, окутали буквально с ног до головы, она быстро осмотрела потерпевшую. Сознавая, что должна собраться и что-то предпринять, она решила вызвать полицию. Уже достала мобильник, чтобы набрать номер, как молодая девушка на вид не более 15—16 лет заворожённо глядевшая на неё с трудом размыкая губы, тихо прошептала, говоря, что не стоит этого делать, всё обойдётся.

Аргументируя тем, что всего-то отделалась незначительными ушибами да лёгким головокружением. Считая, что сама виновата в этой ситуации, сдуру хотела перебежать дорогу не в том месте не в тот час. Говоря, что это какой-то рок, словно несло под машину. Тут же расплакавшись навзрыд, призналась, что в голове мысли только о нём, Игоре Наймушине, сокурснике по колледжу, который её банально предал. Все произошедшее как трагедия в информационном виде не укладывается в голове ни впрямь, ни вкось. Мысль постоянно свербит мозжечок: как он мог? Это не шло, не в какие рамки! Тот, признаваясь в любви, изменял ей направо и налево. Её сердце разрывалось от боли не менее чем и у самой Анны.

Кажется, что они оказались на этом «лобном месте» по иронии судьбы. Каждая тут же решила для себя, что в жизни ничего не происходит просто так, если и происходит, то только имея к тому посыл свыше.

Молодая женщина пригласила девушку к себе на дачу за город. Та робко приняла предложение, мельком сославшись на то, что до общежития сейчас сама не доберётся. Да и что она могла бы сказать появившись там в таком виде.

Девушка по-детски доверительно пояснила Анне, что комендант «настоящая гримза – сержант в юбке», и что ещё не притёрлась к уставу «вездесущей». Поясняя, что она первокурсница, только-только туда заселилась. С какой-то заносчивостью, а быть может с вызовом, та вскользь не преминула добавить, что это ненадолго. Со стороны было видно, что её присутствие в том злополучном месте явно не по ней. Девушка рассказывала настоящие страсти, говоря, что в общежитии нет никаких прав, а только одни обязанности, и если что не так, «Шаг в сторону – расстрел на месте»; без какого-либо права на компромисс. Как говорится, все инакомыслящие идут «на вылет».

С каким-то подспудным страхом выпалила, что придётся терпеть. Оговорив, мол, в сентябре цены на аренду квартир «кусаются», значит не стоит куда-то рыпаться, тем более ей и некуда. Радуюсь, что в октябре, а она в этом просто уверена, непременно съедет из общежития куда-нибудь и уж точно подальше.

Приехав на место, несмотря на все противостояния девушки её нежелания показаться врачу, Анна на правах старшей все же вызвала «Скорую».

Бригада скорой помощи, как ни странно приехала через пятнадцать минут. Молодой врач, осмотрев потерпевшую обработав рану улыбнувшись, констатировал:

– Думаю, что здесь всё в порядке.

Посмотрев на девушку, подмигнул, на автомате бросив дежурную шутку:

– До свадьбы заживёт!..

Анна с тревогой спросила:

– Скажите, а в колледж на занятия, как, можно?..

Тот, искоса посмотрев на них, махнув рукой, торопливо собрав саквояж, на ходу бросил:

– Может. Не вижу в этом ничего страшного... – уходя прочь.

Через пару шагов обернувшись, почёсывая затылок, произнёс:

– Нам по дороге можем подбросить в общежитие.

Анна невольно про себя подумала, удивляясь: «Надо же есть и такие человеческие бригады скорой помощи... И посмеялись и полечили...»

Где-то как-то гордясь таковыми, отмечая: Мир не только зол, но и добр. Есть люди верные чему-либо, пусть для начала клятве «Гиппократ». Это мощно! Жить с таким кредо из серии «Не навреди!»

Однако чувствуя на себе вину, Анна оставила новую знакомую у себя дома. Сознывая, что им обоим в данной ситуации одинаково плохо и вдвоём все же, как-никак, будет легче.

К тому же и ей самой будет спокойнее, если столь милая девушка будет под её контролем и присмотром.

Показалось, вечер сблизил их. За приготовлением ужина они, о чём только не переговаривали. Каждая хотела заполнить пустоту доверительной информацией о себе и новыми впечатлениями, чтобы наконец-то в них где-то глубоко-глубоко ожила душа, и той стало бы комфортно в хрупком брэнном теле.

Они проговорили о своих любовных проблемах мельком глядя на себя со стороны, читая мнение о себе в глазах, напротив. Таким образом, высказав полуправду, чтобы почувствовать «себя» в обрётённом состоянии покоя как им показалось искренними. Из нитей одиночество они сплели нечто «гамака», в котором им вдвоём было уютно и удобно, создав единое целое маленький тандем.

Анна за обе щеки уминала ужин, чего раньше она никогда не делала, так как вообще не ужинала, а если и ужинала, то в ресторане. Ей было комфортно рядом с молодой девушкой, имя которой было просто восхитительное – Маша, и оно так располагало к общению. В нём есть искренность, что-то исконно русское, чистота и магия. С подкатившей грустью Анна вспомнила себя в таком же возрасте, как и Маша, то время, когда очутилась в Москве.

Тогда она была никому неизвестная, да и имя было не таким звучным, как сейчас, а самое, что ни на есть обыкновенное, если не сказать совсем уж примитивное. Олеся Гриднева...

...Как это было давно, но кажется, недавно. По иронии судьбы, сев в поезд на станции Раненбург, она и её племянница Оля, оказались попутчицами в одном из купе с такими же как и они, девушками, практически сверстницами. Сблизившись за общей болтовнёй, четвёрка симпатичных и амбициозных девушек, по сути, просто глупые девчонки, в мыслях уже вихрем ворвались в мегаполис в поиске своего будущего.

Начало июля 2005 года.

Москва в то раннее утро, показалось, встретила их далеко не с распростёртыми руками. Перрон Павелецкого вокзала гудел как улей.

Все куда-то неосознанно торопились, по инерции двигаясь в направлении здания вокзала толкаясь, возмущаясь. Девушки шли испуганно глядя друг на друга, как никогда их пугал шум и гам. Ведь в маленьком Раненбурге такой суеты и в помине не было. Там жили тихо и размеренно, как в слободе. По-свойски!..

...Анна тогда ещё просто Олеся и девочки, Оля, Инна, Таня, с растерянностью смотрели по сторонам.

Кажется, что сориентироваться в этой кучмале было просто невозможно. Таня, выйдя вперёд, застыв на месте, обращая на себя «красивую» пристальное внимание снующего люда и шагающих рядом с ней девочек заявила:

– Так! Спокойствие!..

Оглянувшись на ротозеев, резко рывкнула:

– Ну и что вылупились? – махая рукой в сторону, – идите!

Те, хмыкая, толкаясь локтями, проследовали дальше.

На что Таня, взъерепенившись, вслед ёрничая, крикнула:

– Э-э! Тёти, дяди, полегче!..

И уже с чёртиками в глазах глядя на попутчиц перешла на шёпот:

– Не мы первые!.. – подмигивая, – как вы заметили на дворе давно не сорок первый. Так что прорвёмся!

Олеся, ставя чемодан, как старшая, отдуваясь, сказала:

– Всё девочки! Из тупика выход только один. Так что дружно двигаемся вперёд! И чтоб мне без нытья, не дома!.. – взяв чемодан за ручку, потянула по перрону.

Она про себя радовалась, что не зря потратилась на такую ценную вещь. Как хорошо, что чемодан не каких-то совдеповских времён, а современный на колёсиках.

Однако даже при таком комфорте ноша была ощутимой, приходилось пыхтеть на каждом метре. Так проволочив каких-то десять метров, Олеся остановилась.

И «по-матерински» тяжело вздохнув, запричитала:

– И куда лезем? «Москва слезам не верит!»

Неожиданно словно ниоткуда пошёл дождь.

Очевидно, Москва решила всплакнуть, то ли от радости, то ли от усталости. Та до такой степени была переполнена своими постоянными, порой, непрошеными гостями, что трещала, как говорится по швам.

Таня, улыбнувшись, стала собирать в ладони капельки дождя, бурно восхищаясь:

– Ой, сколько слёз!

Прыгая на месте, не переставая щебетать, от радости восторженно кричала:

– Москва меня приняла! Меня коснулись слёзки коренных москвичей! Теперь я точно – москвичка. Ура! – тормоша всех, заряжая энергией счастья.

Ошарашенные прохожие снующие, как муравьи, сторонясь, бурчали:

– Как же! Так и приняли тебя москвичи!.. – зло, – «Базар – чемодан – вокзал...» И вали домой!..

Но девушки были счастливы, и им была «по барабану» чья-то озлобленная вслух высказанная мысль, в мозгу присутствовали серотонин и эндорфин, а это не что иное, как гормоны счастья. Радовалась и Олеся.

Сев на кучу больших сумок и чемоданов, словно о чем-то вспомнив, та резко вскочила на ноги, на правах главнокомандующей безапелляционно сказала:

– Всё вперёд!.. Нечего загорать!.. – тут же срываясь с места.

По ходу взглядываясь в лица недовольных прохожих, она отмечала их любопытство по отношению к ней.

Проходя мимо них с гордо поднятой головой, Олеся неприменула хмыкнуть, продолжая с уверенностью идти вперёд.

За ней поплелись остальные, волоча сумки и чемоданы.

Она, сделав озабоченное лицо глядя на вопросительные лица своих попутчиц, перешла на полушёпот:

– Стоять здесь, как «три тополя на Плющихе» тоже не дело.

Потом решив, что не стоит бояться косых взглядов и злых языков, перешла на нормальную речь:

– Девочки! Давайте покрутимся на вокзале, может, на глаза попадутся объявления о сдаче квартир. Но, а если нет, то язык до города доведёт. Цивилизация обязывает к общению. Не маленькие справимся.

Девушки, взяв в руки сумки и чемоданы, гурьбой поспешили внутрь вокзала. Тот гудел не меньше перрона. Все куда-то торопились. Кто-то ругался, кто-то плакал, а кто-то, вдруг оказавшись в преддверии манящей Москвы ощущая себя в толпе неким образом капельку «столичным» сиял, как начищенный самовар.

Вездесущая Таня, чтобы узнать, где можно снять квартиру решительно подошла к дежурной по вокзалу. Та скорее по инерции указала рукой в направлении стоянки такси, мимоходом буркнув:

– И что все лезут в Москву, как будто им тут намазали вареньем. Сидели бы у себя. Так нет, лезут!

Глядя сквозь Таню куда-то вперёд, кивнув, рявкнула:

– Туда!.. – и полетела разнимать «сладкую парочку», что «делила» чемодан.

На помощь ей прибежали два сотрудника линейной полиции.

Измученная Таня, глядя на всё большими круглыми глазами стояла буквально в немом шоке. Ей казалось, что всё происходящее перед её глазами какое-то кино, и она в нём выступает в роли дежурного статиста.

Так похлопав глазами, проглотив ком московского воздуха, вдруг пришла в себя от неожиданного резкого толчка в бок.

Как оказалось, кто-то пытался потянуть и её чемодан, рванув тот на себя, Таня завизжала:

– Грабят!..

Ей это показалось настолько смешным, что тут же сделала вторую голосовую попытку. К ней подбежал работник вокзала. Взяв чемодан, тот предложил свою помощь препроводить до стоянки такси. Великодушно разрешив, та, приосанившись пошла за ним. Незаметно делая знак рукой остальным, чтобы те следовали за ней. Так шагая след в след, они очутились на стоянке такси.

– Квартира в Москве проблема... – оглядываясь по сторонам, не очень уверенно сказала Олеся.

– Не особенно-то нас здесь ждут. Ни цветов, ни аплодисментов. Даже как-то обидно... – делая кислую мину, – в общем, всё, как и говорили у нас.

Как ни странно, никто не собирался хныкать или расстраиваться. Каждая из их четверки с уверенностью констатировала, что всё равно в Москве будет как минимум раз в сто лучше, чем в Раненбурге.

Пусть Москва, не резиновая не бездонная бочка, но и они всё-таки смогут найти лазейку в ней, чтобы внедриться и прижиться в мегаполисе. На этой мысли приободрившись,

поспешили к объявлениям. Сорвав пару, найдя то, что им подходило, направились к стоянке, где была очередь из нескольких человек.

Олеся поспешила отойти в сторонку на ходу кому-то, перезванивая, за ней плелась Оля. За ними гуськом след в след шли Таня и Инна; каждая, отвернувшись, звонила по телефону, договариваясь с кем-то о встрече.

Наконец подъехало несколько такси, очередь вмиг поредела. Это уже радовало. Поэтому прибытие очередного такси к месту парковки Олеся и Оля восприняли с криком: «Ура! Наше!» – радуясь, мгновенно нырнули в него, забыв попрощаться с остальными.

А может, просто сочли, что так принято в большом городе никто никому ничего не должен и ничем не обязан.

Во второе такси сели Инна и Таня. Они ехали в свою новую жизнь по просторам мегаполиса.

С первой минуты поездки, те, безотрывно следя за первой машиной, корректировали путь. Они, поочерёдно тыча пальцем в спину водителю, слишком громогласными выкриками указывали, куда им надо ехать, чтобы не дай бог, тот не накрутил по городу лишние круги.

Водитель был на взводе. Он, чертыхаясь, проявлял недовольство по отношению к своим ненормальным пассажиркам, те его уже достали своими претензиями и указаниями. Он, в очередной раз, вытирая вспотевший лоб, пробубнил:

– И надо было связаться с такими нервными? Хотел срубить «бабло», а теперь вот катайся с ними туда-сюда как личный водитель.

Рассматривая тех в зеркало, продолжая ныть, зудел:

– Не успели сесть в такси, а уже думают, что стали москвичками, – с кривой усмешкой, зло, – как же, сейчас!.. До нашенских-то до столичных вам пока ещё далековато! «Дерёвня!..»

Резко свернув в сторону, тот боковым зрением заметил, как пассажирки наклонились в бок, ойкая и айкая. Вот так банально приведя тех в смиренное состояние, довольно ощеряясь в ус, тихо произнёс:

– Осадил...

Вновь выруливая, мельком заглянув в зеркало, расплылся от удовольствия:

– Тоже мне!.. Поделом!

Как по мановению палочки те сразу же замолчали с опаской глядя по сторонам. Он, таким образом, остепенив молодёжь, уже в хорошем расположении духа поехал за первым такси. До конца поездки пассажирки сидели, как «мышки» испуганно поглядывая друг на друга и искоса на него, молчали, словно набрали в рот воды.

Подъехав к подъезду дома девушки, не поднимая глаз расплатившись, вылетели пробкой из салона машины, даже не взяв с водителя законную сдачу. Тот молча выгрузил багаж. И застыв на месте, стал наблюдать, как те волокли его в сторону подъезда; ссорясь и предрекаясь.

Сплюнув вслед, теребя рукой, подбородок хмыкнул:

– А ещё лезут в москвички. Не потянут! – налегке парящей походкой поспешил обойти машину, заходя, с другой стороны.

Сев, нарочито громко хлопнул дверьми, так чтобы услышали горе пассажирки.

Отчего те вздрогнули, невольно посмотрев в сторону машины, что, сорвавшись с места, подняв клубы пыли, исчезла из поля зрения.

Инна буркнула:

– Урод!.. – помогая Тане внести сумку в приоткрытую дверь подъезда, в которую только что буквально перед ними вошли Олеся и Оля.

Уже стоя на площадке 11-го этажа девушки вдруг поняли, что оказались претендентками на одно жильё. Объявления были под шаблон. Тогда как им показалось, что поймали

за крыло чуть ли не «жар-птицу» или минимум как вытянули выигрышный билетик в своё новое будущее.

По иронии судьбы они оказались перед дверьми этой квартиры. Хозяйка, открывшая им дверь, была немного растеряна, поражаясь количеству претендентов на её квартиру, но всё же великодушнопустила внутрь.

Оказавшись в тесной прихожей девушки, озираясь по сторонам, тут же беспричинно стали ссориться. Возможно, таким образом, изживая друг друга. Только как бы кому-то не хотелось, никто из этой четвёрки не хотел уходить.

Каждая из них заверяла других в своей невинности, ссылаясь на то, что все объявления были на одну и ту же квартиру. Да и впрямь не на улице же им оставаться. Ссорясь, стараясь перекрыть другую, чуть ли не в один голос выкрикивали: «А кому же тогда звонила?»

На что в ответ, шипя друг на друга, вынужденно признавались, что звонили не родственникам, а хозяйке квартиры. Пожилая женщина, слыша их гомон, была уже и сама не рада тому, что сдаёт квартиру.

Поэтому для начала успокоила. И чтобы как-то их примирить, с радушной улыбкой поспешила предложить всем вместе друженько посидеть за столом, выпить за знакомство чай, поговорить о том, о сём. Говоря, что как раз сейчас и пирог с капустой подоспеет в духовке. К месту будет. Гости, переглянувшись, расплываясь в улыбке, охотно кивнули. На лицах читалась ничем неприкрытая радость, глаза тут же засияли добротой. Хозяйка была рада, что нашла компромисс. Та, спеша на кухню, на ходу нахваливала свой пирог, говоря, что тот по рецепту её бабушки; заверяя, что бабуля знала толк в кулинарии, мол, некогда самого Л.И.Брежнева обслуживала на его личной даче. Таня, видя, что хозяйка разговорилась, даже разоткровенничалась, стала расспрашивать о столь ценном и знаменитом рецепте. Девушка, всю старалась понравиться. И как назойливая муха, неугомонно жужжа над её ухом, делала комплименты:

– Ой, как у Вас уютненько, прямо как у нас дома.

Инна тут же щипнула ту за руку, шипя:

– Замолчи, нас четверо, ты не одна.

Таня, заметив в дверях кота, бросилась к нему:

– Ой, киса! Как мой «Васька» тоже «сибирский».

Искренне радуясь:

– Какой пушистый, а хвост так вообще... Слов нет!..

Подойдя к нему, погладив, начала сюсюкаться:

– Какие мы большие! – поглаживая шёрстку, – какие усики!.. – трогая руками.

Тот, мяукая, уже тёрся об ноги, правда, Инны. Та пинком сбросила с ноги, делая презрительную гримасу.

Таня, искоса глядя то на Инну, то на остальных была сама любовностью; завоёвывая дружбу кота, щебетала:

– Ты с нами подружишься? Мы хорошие! Не будем обижать, а наоборот!..

Смеясь:

– Затискаем! – беря на руки. – Кисуля!.. – прижимая к себе, – Лапуля!

Незаметно для других стукнув Инну ножкой в бок, она нарочито громко выдавила:

– Мы кошатницы!.. – впиваясь в неё въедливым взглядом, с голливудской улыбкой переспросила:

– Правда?

Инна была вынуждена признаться:

– Ой, конечно, правда!.. – растерянно глядя на всех сразу.

Видя на их лицах изумление, поспешила признаться:

– Собак не очень, а вот кошечки, котики моя слабость.

И в этот момент неожиданно для всех из-под ног Тани вынырнула такса. Инна застыла на месте, онемев. На выручку пришла Оля, что в порыве радости кинулась к таксе и стала целовать, ласкать, кажется искренне восхищаясь:

– Какая красивая, хорошая собачка!..

Собаке, как и её хозяйке, лезть явно пришлось по душе.

Женщина, наконец успокоившись, что в доме воцарился мир, вслух пробормотала:

– Ну, вот и хорошо! Вот и ладненько! А то некоторые терпеть не могут кошек и собак. Ни своих, ни чужих!.. – довольно, – значит, поладите. Оставайтесь у меня все.

– Трёшка не однушка, так что всем места хватит!.. – на её лице читалось радушие.

Та, обведя всех беглым, но все же заботливым взглядом, вслух отметила:

– Вон, вы какие у меня худенькие! – невольно улыбнувшись, – совсем девочки.

И засуетилась, бегая по кухне, ставя чайник на огонь, доставая из духовки пахучий пирог.

Напоив девчат чаем, поспешила покинуть столь шумное общество. Говоря, что будет жить на даче, там за всем нужен хозяйский присмотр глаз да глаз. Дескать, спасу не дают хулиганье и бомжи.

С лёгким сердцем оставив девушек на постой уже на выходе как бы, между прочим, вскользь приказала, чтобы те по возможности были аккуратными и следили за кошкой и собакой, не иначе, как за братьями меньшими. Сетую, что не может взять с собой, есть, мол, и там нахлебники – две кошки и собака афганская овчарка. Сын оставил ей в «наследство», а сам налегке съехал за границу.

Оставшись одни, девушки сразу же начали благоустраиваться.

Они не преминули рассосаться по комнатам. Каждая старалась опередить подруг, чтобы устроиться с надлежащим комфортом; не обделили вниманием и собаку с кошкой. Все четверо прикинули и единогласно решили отвести им место в коридоре поближе к двери. Считая, что и это слишком роскошно для четвероногих. Так и сделали; успокаивая себя тем, что передел прошёл в демократичном формате. Как-никак надо и тем поделиться своими «московскими метрами» с новыми хозяйками.

Немного пообвыкнув, начали искать работу, кто через интернет, кто по объявлениям в газетах.

На это ушло несколько дней. Они за эти дни столько перелопатили газет, что уже ближе к ночи голова каждой просто опухала, если не сказать более, те под конец дня буквально валились с ног. И вот наконец определились, что кому нужно.

Олеся, едва дождавшись очередного утра, поехала трудоустроиваться в кафе, где её благополучно приняли без испытательного срока, так как с первого взгляда показалась ответственной.

Там обратили внимание на то, что молодая женщина, а ей всего-то 26 лет, приехала в Москву с племянницей, а не просто из личных интересов, чтобы устроить свою жизнь. Это как минимум, а вот по максимуму выйти замуж за московского олигарха, тем самым обеспечить себе безбедную жизнь. Девушка казалась простой и наивной в своём стремлении начать жизнь с нуля; только бы пристроить в Москве племянницу, да на первое время быть её опекуницей.

А вот в этом весь и плюс! Здесь попахивало ответственностью за другого, значит, не будет скакать с места на место в поиске новой работы. Как не крути! Это уже характеризовало ту с хорошей стороны, вызывало уважение.

Исходя из всего этого, Олеся приняли на работу.

На собеседовании она старательно скрыла свои недостатки, в частности присущую ей флегматичность. На кону стояла, прежде всего, работа, а там будь что будет. Как говорится, время покажет.

Да, разумеется, на ней, конечно же, лежала ответственность за племянницу. Казалось бы, желание найти себе пару в мегаполисе отошло на второй план, хотя именно за этим она и приехала в Москву. Главное, чтобы забыть своего бывшего муженька, Аркашу, искоренить того из себя, как бытовую привычку. Но для этого надо постараться самоутвердиться в своих глазах, как женщина и, в конце концов, стать независимой и сильной. Это был тот минимум, чего она хотела бы и просто должна была достигнуть в мегаполисе. И, кажется, что этого хотела не только она одна...

...Инна как никто мечтала стать клерком в одной из компаний, чтобы побыть в шкурке одной из героинь её любимого сериала.

И, кажется, была близка к тому.

Набрав номер офиса, энергично общаясь, неожиданно для себя попала в «тему», её пригласили на собеседование. Поэтому-то ни свет, не заря та рванула в новую жизнь, опьянённая запахом Москвы. Пусть она на чей-то взгляд, где-то, как-то, угловатая крепенькая девушка из глубинки, кровь с молоком. Пусть рубит порой подчас с плеча, не задумываясь о последствиях. Но все же она стремилась меняться, по крайней мере, попробует, будет пытаться, чтобы стать столичной «дамой – клерком». А это дорого стоит.

Так оказавшись на собеседовании в офисе, сидя напротив молодого начальника, Инна получила долгожданную должность менеджера наружной рекламы и, кажется, с первого взгляда впервые влюбилась. Это она поняла, когда в области желудка почувствовала какой-то напруг, а потом безудержный молниеносный полёт бабочек в животе. Отчего ей стало как-то не по себе, бросало то в жар, то в холод. Хлопая глазами, глядя на объект влюблённости на этого милого Олега Борисовича, Инна млела, в ушах ощущался шум.

Однако чтобы не испугать того, кто перед ней, а это по-большому счету предмет вожделения, та сидела, как мышка, боясь шелохнуться, ни то чтобы лишний раз открыть рот. Она осознавала, что сидит перед баловнем судьбы. От него так разило лоском, шиком, просто неимоверно дорогим парфюмом, который она незаметно ловила ноздрями, вдыхая, чувствуя себя настоящей женщиной. Как игла в мозг вошла мысль: А что и я научусь женским штучкам, стану избалованной?! Голова закружилась, она чуть не сомлела, но выдержала, чтобы не показаться в глазах напротив полной дурой, обыкновенной деревенщиной.

Договорившись о том, что приступит к работе с понедельника. Инна, попрощавшись, вылетела из кабинета – опьянённая, окрылённая, несясь по коридору, словно парящая бабочка на своих лёгких хрупких крыльях любви.

В голове предательски мелькнуло: Разве такое бывает? Вот так сразу, с первого взгляда тащиться от глаз какого-то тридцатилетнего мужчинки и не иначе как «мартовская кошка», вдруг осознав, что сейчас в свои 22 года перешагнула черту из детства в зрелость.

Это придало ускорение. Домой возвращалась в буквальном смысле слова влюблённая. То ли в Москву, то ли в шефа. Но это теперь не имело значения. Запах офиса ей понравился, пахло Москвой и москвичами. Короче! «Столичный!» Его ничем не отбить, даже потоком запаха гостей и проходимцев. Мозг стучал азбуку Морзе: Ты теперь менеджер рекламного агентства...

...Оля тоже решила сделать вылазку в большущий город принюхаться, посмотреть: что и как? Правда, ей сейчас не хотелось, не учиться, не работать. Несмотря на такие выдвинутые ею весомые аргументы всё-таки поехала в Эстрадно-джазовый колледж.

По всему было видно, что сделала это не вовремя, на её лице читалась лень и вскользь тенью пробежало безразличие. И это понятно. В её-то 17 лет.

Товарищи из приёмной комиссии на визит этой милой девочки отреагировали по-своему, отказав без особо весомых доводов.

По этому поводу Оля, кажется, не расстроилась.

Единственно, что тревожило, так это реакция Олеси. Та давно мечтала стать певицей, актрисой, но как-то не сложилось. Именно поэтому она хотела бы вывести в «свет» Олю, чтобы ты заблистала в Москве «Звёздочкой».

Оля, тяжело вздохнув, бубня себе под нос, констатировала факт, что она далеко не тот материал, из которого прямо сейчас возможно сделать певицу. Вердикт комиссии, что она «сыровата» и пока у неё не найдены нужные вокальные данные был даже на её взгляд более чем основательный.

Конечно, на первый взгляд вердикт немного жестковат, но дан витиевато, справедлив. Они, мягко говоря, выгнали, сказав: «Деточка, приходите на следующий год!» При этом оговорив необходимость надлежащим образом заняться голосом. И ещё так въедливо.

Один из них! Чтобы, наверняка, отбить охоту, стать певицей, сквозь роговые очки, с сарказмом прошамкал: «Труд над собой никому не помешал!»

Это было и смешно, и обидно, даже немного страшновато. Сразу же завис вопрос: «Куда идти учиться?» Работать, ну просто не хотелось вообще, а не то чтобы над собой. Это факт. Поэтому Оля решительно пошла в кафе, чтобы наестся, напиток, отметить свой приезд в мегаполис...

...Утро, кажется, расстроило не только Олю, но и Таню. Та тоже решила брать Москву с центрального входа в «звёздный бомонд», прямиком направившись в продюсерское агентство.

Та, выстояв очередь, надышавшись запахом дорогого парфюма, расстроилась, так как и все присутствующие видели себя не меньше чем «Мега Звездой». К тому же было видно, что те, не щадя кошельков родителей и спонсоров, тратились «по-полной». И всё ради того, чтобы блистать и вкусно пахнуть, пытаясь завоёвывать пусть маленький, но олимп, сложить о себе первое положительное впечатление дороговизной во всём. Это был маленький пиар-ход.

Отметив это про себя, Таня поняла, что ей придётся нелегко в борьбе за своё местечко в этом бомонде. Здесь точно никто не сдаст свои позиции. Каждый жил под девизом из серии: «Ни пяди назад. За нами Москва».

Так побегав из угла в угол, наслушавшись, смекнув, юркнула в туалетную комнату, туда, где пространство делится на всех поровну, где полная демократия; там и не преминула пожаловаться на судьбу арт-менеджеру агентства. И та, как ни странно из жалости взяла данные Тани, и как показалось, искренне пообещала непременно при случае перезвонить, если им вдруг понадобятся статисты в ближайших проектах.

Это было больше того, чего Таня вообще могла ожидать стоя в очереди претендентов на «огранку», чтобы в дальнейшем стать «Звездой».

Показалось, что день в какой-то мере был прожит не зря, всё относительно 50х50...

...Наконец набегавшись за день, все решили оторваться на еде, дружно занявшись приготовлением ужина. За разговорами отчётливо прорисовалась цель приезда. Каждая видела перспективу и, кажется, что та – то единственное, что их на данный момент объединяло. На устах каждой было одно – покорить Москву, завоевать мегаполис.

Утро наступило столь неожиданно, что Инна, боясь, что получит нагоняй, мысленно засуетилась, ведь ей нужно идти на работу. Она не хотела свою трудовую деятельность в мегаполисе начинать с прогула.

Резко вскочив с постели, посмотрела на часы, напрочь забывая, что субботний день. В ужасе бегая по комнате из угла в угол, Инна всё также мысленно уничтожая себя за то, что опаздывала, наскоро одеваясь на ходу в то, что попадалось под руку, кажется, окончательно выкинула из головы проблему: в чём идти? Главным для неё сейчас было одно – не опоздать.

Поэтому одев на себя всё, что нашла, тут же стремглав выбежала за дверь, оставляя за собой шлейф до тошноты сладкого парфюма.

Утро было далеко не ранним. Народ по улицам ходил толпами. Город жил активной жизнью, заставляя людей двигаться, что в принципе те и делали. Вопрос: «С желанием или без желания?»

Подойдя к подземке, Инна заострила внимание на парне в наушниках. В голове тенью скользнула мысль о том, что москвичи инфантильные ушедшие в себя люди; думая, что попала в точку, хмыкнув, сбежала по ступенькам вниз. Попав в толщу толпы, шагая шаг в шаг вместе с ней, она пусть в собственных глазах видела себя москвичкой.

Через некоторое время та выдавленная какими-то непостижимыми непредсказуемыми силами из толпы по инерции догнала парня, проходя дальнейший путь рядом с ним, шагала семимильными шагами, как скороход; вновь и вновь заостряя на нём своё внимание, искоса с любопытством разглядывала, находя в нем много странного и необъяснимого.

Тот до сих пор был в наушниках и по-прежнему ни на кого не обращал внимания.

Парень был полностью погружен в себя. Он, слушая определённо классическую музыку, попав в ноту, мурлыкал, как «мартовский кот». Правда, этого никто кроме неё не замечал.

Со стороны это выглядело болезненно, вызывало сочувствие, даже на беглый взгляд показалось, что у парнишки приступы шизофрении.

Заметив на себе её пристальный взгляд, он как-то испуганно посмотрел и тут же метнулся от неё в сторону, продолжая мурлыкать. Потеряв к нему интерес, Инна взбежала на эскалатор, вспомнив, что спешит на работу.

Рабочий день к чему-то обязывал и довел, ставя перед всеми определённые рамки...

...Олеся была на рабочем месте, стоя у барной стойки, томила в ожидание первых посетителей. Чтобы как-то отвлечься от косых взглядов сотрудниц незаметно для постороннего взгляда нажала кнопку вызова на мобильном и тут же отключила.

Эта маленькая хитрость всегда срабатывала, ей позвонили. Это был Дима Кваша.

Она, делая вид, что тот как всегда не вовремя, бегло перехватив взгляд администратора по залу, пожав плечами, ответила. Кажется, это её спасло от затянувшейся паузы. Вот уже где-то пятнадцать минут присутствующие не знали о чём бы ещё поговорить. Поэтому все сразу же навестили уши.

Олеся с укором в голосе ответила, ну уж очень подавленным шёпотом:

– Димусь я на работе. Ты что забыл? Первый день! Не отвлекай!

По всему было видно, что тот хотел заехать, но та нарочито громко сказала:

– Даже не вздумай! Ты что хочешь, чтобы меня сразу же в первый день уволили?

На вопрос: «Когда?»

Она поспешила прошептать:

– Какой выходной, какая подмена? Я первый день на рабочем месте.

– И вообще!.. – вздохнув полной грудью, расправила плечи, открытым взглядом посмотрев на сотрудниц.

Отчего те сбежались к барной стойке, буквально, как мухи на мёд.

Олеся, довольная повышенным вниманием к своей персоне, громко выпалила:

– Обрати внимание на ту, для которой твоё преследование не будет так обременительно!.. – безапелляционно, – у меня нет ни времени, ни желания с тобой говорить.

Повышая тон:

– Я хочу начать новую жизнь. У меня и так проблем выше головы. На мне Олька, а та сейчас вот уже который день в депрессии, не знаю, что с ней делать.

Пугаясь своей оголённой беспомощности, сетуя, выронила:

– Всё на мне. Всё на мне. Как будто я «железная»...

Тяжело вздохнув, срываясь:

– И не жди у подъезда, не делай свои подкаты. Я до чёртиков устала от всего от всех и от тебя!.. Мне хватило того, что в Раненбурге все бабки из моего подъезда говорили только о нас и смеялись над нами... – зло, – чтобы ещё и здесь устраивать бесплатное зрелище тёткам, которым дома нечем заняться... – ёрничая, – как же!

Ища поддержки со стороны:

– Щас!.. Разбежалась. Прямо вот бегу и падаю...

Кажется, что всё внимание было приковано к ней. Сотрудницы, сопереживая, в поддержку держали за неё кулачки, безотрывно пожирая глазами.

Оценив своё превосходство, Олеся тут же поспешила оборвать разговор:

– Всё! Чао! Я больше тебя не люблю. Не звони!..

Выключив телефон, посмотрела на девушку за стойкой, та тут же ей предложила горячий кофе.

Другая девушка шмыгнула за пирожным, вернувшись, из-за солидарности произнесла:

– Все мужики сволочи!..

Олеся, уминая пирожное, запивая горячим кофе, с набежавшей слезой пролепетала:

– Козлы! Только и умеют бить копытами... «Я!..» На большее фантазии не хватает!.. – вытирая скупую слезу, – ничего без нас не могут.

Вот на этой фразе кажется девушки вмиг стали сплочённым коллективом, каждая стала делиться своим наболевшем, накипевшим. Олеся влилась в этот маленький коллектив, как-то вдруг спонтанно, а это уже начало жизни в мегаполисе...

...Таня, пока не спешила вливаться не в какие русла каких-либо коллективов. Она прибывала в мятежном сне. Ворочаясь, досматривала сон, что снился какой день подряд...

...Жаркий летний день, она стоит за квасом. Мило улыбающийся мужчина подаёт стакан кваса, и так заискивающе говорит, что он продюсер кино, и что здесь сейчас идёт съёмка фильма.

Она, расплываясь в улыбке, подаёт мелочь.

Тот, кладёт в банку с такой же мелочью, зло рывкает:

– Следующий!.. – сплёвывая в сторону, бурча, – ходят здесь всякие с мелочью, и все норовят получить роли на халяву.

Заглядывая в банку с мелочью, цедя сквозь зубы с сарказмом:

– А её вон, всего-то, «кот заплакал» ... – зло, – что на это можно снять?

Таня, поникшая выходит из очереди девушек. Те слетаются к нему, как мотыльки на фонарный столб, отталкивая её локтями, вытесняя всё дальше и дальше в сторонку...

...Резко проснувшись, Таня с ужасом в глазах с непониманием осмотрела комнату ни Олеси, ни Инны не было. Это уже легче, так как не хотелось бы при них быть напуганной и растерянной. Она машинально перекрестилась, боясь, что не дай Бог именно так и будет. Чтобы основательно от этого огородить себя красивую, стукнув ладошкой в грудь, та трижды прошептала:

– Раз-два-три-четыре-пять, чтобы горю не бывать! – сплюнув через левое плечо, с облегчением вздохнула.

И это в её-то 21 год. Казалось бы, зрелая девушка, а как сопливая девчонка верит во всю чушь как никто суеверная.

Надев на глаза тёмную повязку, глубоко вдохнув, заглотив, как показалось тонну воздуха, вновь легла спать.

* * *

Сегодняшнее утро держало в напряжении и ожидании многих, если не сказать всех...

...Олег Борисович, сидя за столом в своём кабинете был в похмелье, не зная, чем бы ему заняться. Вчерашний день был для него настоящей катастрофой, голова отказывалась принимать какие-либо решения. Ничего не оставалось, как открыть бутылку шампанского оправдывая своё скоропалительное решение тем, что до чёртиков устал на вчерашней вечеринке друга и что срочно надо прийти в себя. Сделав пару глотков из горла, вздрагивая от неожиданного звонка, чуть не поперхнулся пеной.

На мобильный звонила девушка по поводу работы. Не особенно вникая в суть вопроса, пригласил ту сейчас же к нему, считая, что он как начальник имеет право выбора. Если уж предыдущая претендентка, какая-то там Инна, сейчас где-то, а не здесь.

Кажется, О.Б. тоже заблудился в двух соснах, и для него сегодняшний день стал «чёрным понедельником». В предвкушении встречи с незнакомкой стал мечтательно вырисовывать образ будущей претендентки. Слава Богу, штат ещё не укомплектован, и он имеет право делать намётки, пусть даже мысленно в разгорячённом мозгу, как-никак, а руководитель.

Тут же включая всю свою фантазию, отвечая себе на вопрос: какой та может быть, незаметно опустошил бутылку. Его никто не тревожил, и это было на руку. Рядом не было злопыхателей в лице сотрудников. Он не любил показывать им свои мужские слабости. Коллектив был уж очень говорливый. Только ты вышел за дверь, тебе тут же наскоро перемыли косточки. По всей видимости, нагрузка у коллег была слабая. Так как агентство, новое ещё до конца не сформированное, заказов недостаточно. Времени хоть отбавляй, как для пересудов, так и для умозаключений.

Однако он как руководитель жаждал, чтобы его агентство стало одним из продвинутых с переполненным портфелем заказов. Его распирало от того, что он руководитель рекламного агентства.

Олег Борисович потянувшись, поймал на лету фривольную мысль о необходимости иметь при себе в лице пресс-секретаря какую-нибудь раскрасавицу длинноногую блондинку...

...Инна тоже жаждала войти в офис агентства «с правой ноги», влиться в коллектив, быть рядом с О.Б., её новым шефом.

И она, уже нервничая, стояла на пути к тому у стеклянной двери офиса, прижавшись лицом к стеклу, томясь в нетерпение, раздражённо заглядывая внутрь. Как показалось, там никого не было.

Это стало так напрягать, что она была вынуждена постучаться в наглухо закрытую дверь.

Буквально застыв в ожидании, та попросту недоумевала: почему дверь вообще в это время закрыта?

На стук, чуть приоткрывая дверь, выглянул заспанный охранник мужчина в возрасте.

Тот, вылупившись на неё как на какое-то «Третье пришествие», туго понимая, что ей надо, что-то бормоча себе под нос, стал с силой закрывать дверь. На что, она, сразу же приосанившись, придерживая дверь за торец, поставленным голосом зачитала нотацию:

– Нет, вы только поглядите на него! Сам не работает так и другим препятствует заниматься делом!..

Отстраняя того в сторону, как «ветошь», зычно гаркнула:

– Вообще! Почему в рабочее время, дверь на замке? – негодуя, – ишь позакрывали, лоботрясы, прямо как у нас на слободе частники сраные!..

Стрельнув глазами, испепеляя взглядом, выпалила:

– Что ж ты, дядя! Позоришь Москву, Олега Борисовича, а?! Если не хотите работать, увольняйтесь!.. – хмыкая, – а то, как посмотрю, не знаете чем заняться на вашей пенсии! – вздёрнув нос, с вызовом сквозь зубы процедила, – так дайте нам молодым возможность работать...

Стуча в грудь, зло рявкнула:

– Мы-то хотим!..

Посмотрев в упор, соизмерив с ног до головы, вновь процедила сквозь зубы:

– Всё Вам не сидится дома!.. – зло, – спать и там можно!..

Пожилой мужчина, глядя на неё так и не поняв, чего та от него хочет. Застыв на месте, моргая глазами, боясь что-либо произнести, тот, кажется, тоже не знал какой сегодня день недели; спеша вслух поспешил оправдаться:

– Так тык, я это...

Понимая, что это её победа. Инна, взяв его своим 4 размером груди, прошла вперёд как танк. Тому ничего не оставалось, как стоять в стороне, не понимая: что это было?

Привёл в себя её окрик:

– Я сейчас буду у шефа, и расскажу, как вы тут работаете.

Тот прилип к стене, по лбу лился градом пот. Это, кажется, удовлетворило ту. Она пронеслась к лифту как фурия; зайдя внутрь, исчезла за закрытой дверью. Охраннику показалось, что всё произошедшее с ним было продолжением страшного сна, он даже перекрестился.

Инна, поднявшись на шестой этаж, выйдя из лифта, парящей походкой направилась по коридору офиса к кабинету шефа. Она была в предвкушении встречи с Олегом Борисовичем.

Тому же было абсолютно не до неё. Он с миловидной девушкой пил шампанское, все было обоюдно по согласию. Они обнимались, как два голубка. И вдруг гром среди белого дня. Она.

Инна влетела в его кабинет, чтобы уточнить план работ на сегодняшний день и была ошеломлена.

Шеф от неожиданности замер, тому ничего не оставалось, как сказать, что принимает на работу новую сотрудницу.

Ему хотелось показать и претендентке на должность, что в их сплочённом коллективе полная демократия. Он поспешил представить Инну, как лучшую сотрудницу. Однако, та, пропустила комплимент мимо ушей, зная, что это ложь, ведь она первый день на работе. Ей было противно начинать работу в этом коллективе с уловок и лжи. Но она сознавала, что должна принять игру в рутине соприкосновений шеф – сотрудник, только ради того, чтобы не вылететь из рядов этого коллектива.

В конце концов, Инна, выйдя из оцепенения, подыгрывая, сквозь зубы процедила:

– Коллектив не хороший, но и не плохой, как везде.

Узнав, что девушка приезжая и без знакомых, пригубив шампанское из рук Олега Борисовича, с облегчением вздохнув, наклонившись к той, на ухо по секрету шепнула:

– У нас так!.. Все лучшие места через постель. Не ты первая не ты последняя. Сами такие были.

Не преминула добавить, чтобы та, в общем-то, не стеснялась, как можно быстрее расслабилась. И надув свои пухленькие губки, поспешила выйти.

Уже за дверью поняла, что ляпнула не то, и ей стало немного страшно. Так не хотелось потерять работу, поэтому быстренько пошла на своё рабочее место. Просидев в полном одиночестве три часа, так и не заметив никого из сотрудников, ушла.

На выходе охранник, открывая перед ней дверь, брызжа слюной, рявкнул:

– Ходят тут трудоголики работать мешают. Даже в субботу им не спится.

Грозь увесистым кулаком, бросая вслед с обидой:

– Понаехали здесь из «Двойни»! Продуху нет. Все учат. Я уже три года как москвич.

Словно сорвавшись с цепи, брызжа слюной, добавил:

– А ты вот попробуй! Начало как погляжу с фальстарта, – зло, – телевизор смотреть надо! Ноне суббота! – лыбясь, оголяя жёлтые прокуренные зубы, резко с грохотом закрыл дверь.

Только сейчас до Инны дошло, что сегодня суббота. Вспрыснув в кулак, та ускоренным шагом направилась к метро.

У неё мгновенно разыгралось воображение. На душе стало легко и беззаботно, отчего она начала искать в толпе знакомые лица, и как ей показалось, нашла, это был парень с наушниками.

По инерции она побежала за ним, подхваченная волной толпы очутилась в электричке, не понимая: что она здесь делает? Напрягая слух, с любопытством прислушалась, о чём галдит городская молва. Чтобы со стороны не показаться уж очень любопытной отвернулась к окну, всматриваясь вдаль.

Перед глазами мелькали спальные районы новостроек Москвы. Инна безотрывно вглядывалась, чтобы впитать всю её мощь и зарядиться от неё впрок и осознать, что ты с сегодняшнего дня «москвичка». И чтобы на завтра быть уверенной, что где-то есть тот, кто в миллионном городе тебе знаком.

Уже на выходе из метро, оглядываясь по сторонам, вновь заметила силуэт молодого парня с наушниками. Он прошёл мимо неё, добродушно улыбнувшись. От растерянности и она невольно улыбнулась, тут же тушуясь. И вдруг силуэт парня растворился, исчез как мимолётное видение. Инна так и не поняла, а было ли оно вообще. Но это и неважно.

Важно то, что в мегаполисе есть кто-то и он совсем рядом. Передёрнув плечами, она бросилась в новый поток, несущийся к автобусной остановке. Как же классно в Москве! Кто-то свыше управляет потоками, гоняя их туда-сюда. И все безмолвно подчиняются правилам игры «Жизнь в Мегполисе».

* * *

Вечерело. Посетителей в кафе практически не было, по крайней мере, не столь много. Олеся собирала со столов остатки еды, недоумевая: зачем вообще идут в кафе, если такую вкуснятину оставляют, едва надкусив.

Наверно она сбросила со счетов, что в кафе по обыкновению ходят, чтобы встретиться, поболтать, а еда – это предлог к общению.

Молоденькая сотрудница, юркая хрупкая девушка, сказала, что той можно идти домой. Они сами справятся. Добавляя, что у них принято пораньше отпускать новеньких домой. Олеся этому была несказанно рада. Она и впрямь за день набегалась так, что, кажется, ноги её не слушались, ещё час и точно упала бы где-нибудь здесь, валясь с ног.

Набрав сладостей, сказав, что Ольке нужно внимание и сладкое, попрощавшись с сотрудницами, вышла.

Вслед послышалось: «Отдыхай! Пока!..»

Олеся вышла из кафе, как никогда полна впечатлений. Дорога до автобусной остановки была усыпана сотнями огней. И это так впечатляло. Вечерняя Москва совершенно иной город, нежели днём, сплошь и рядом магия; буквально перенасыщена иллюминацией, как рождественская ёлка. Мерцающие в разноцветье огни её делали «таинственной незнакомкой».

Олесе этот город казался уже немного родным, ведь где-то есть уютное гнёздышко. Значит она уже не приезжая, тем более имеет постоянную работу.

Она невольно вспомнила администратора, что, оказавшись с ней в туалетной комнате, прихорашиваясь у зеркала как бы, между прочим, сказала:

– Теперь ты наш сотрудник, так что не подводи!.. Надеюсь, нареканий в твой адрес не будет. Шеф сказал, что ты, ничего тётка, старательная.

Стало как-то не по себе, Олеся в ужасе внутренне содрогнулась: «Тётка?!»

Внутреннее «Я» тут же вставило: «Займись собой или точно станешь тёткой!»

Мысленно сетую на то, что на ней непосильная ноша в лице Ольки и ей не до себя та даже проронила скупую слезу.

Но тут же смахнув, она с облегчением вздохнула, сознавая, что как никто ответственна за свою «стрекозу»; вновь опять загружая свою душу столь обременительными мыслями и видимыми только ей проблемами. Оля, Оля, Оля...

...Оля в это время, сидя на кровати в своей комнате, мысленно прокручивала кастинги, анализируя свои ходы. Невольно возвращая себя на несколько часов назад...

...Толпа девушек. Каждая пытается пробиться без очереди. Она, как самая пассивная в конце очереди. Перед её носом на двери вывешивают табличку. «Кастинг закончен».

И это за сегодняшний день было трижды. Ей уже не хотелось никуда идти, чтобы испытывать судьбу, с усталостью и обречённостью принимая всё, как неоспоримый факт. Это не её время. Чем заняться? Она вообще не могла себе представить. Голова не варила. И это ввергло в депрессию.

Так она просидела пару часов, пока квартира не ожила от шума и гама Тани и Олеси, что гурьбой влетели в квартиру. Олю раздражал крик подруг. Она заткнула уши, боясь сделать то, о чем позже пожалела бы. Было слышно, как те перемещались по квартире. Наконец они зашли к ней. Олеся подала пирожное, Оля молча взяла. Племянница ей показалась какой-то странной. Она сидела перед телевизором совсем поникшая какая-то необычная, неосознанно жуя пирожное, монотонно переключая пульт, переходя с одного канала на другой. Молча, не проронив ни слова.

Таня, тоже была вне себя, мелькала перед глазами, как маятник и как заведённая жаловалась по телефону Инне. Говоря, что точно не уснёт. На ходу невольно бросив, что ей приснилось такое, отчего бегут мурашки по коже, и она со страхом ждёт, что именно так и произойдёт; жалуясь, что целый день как не своя, голова раскалывается на две части. Мигрень.

Олеся, не сдержавшись, выпалила:

– Вообще-то сны в субботу всегда до наоборот, значит жди лучшего варианта.

Та, радуясь такой новости, выбежала в ванну, чтобы привести себя в порядок. Она уже и сама устала от своей мигрени.

* * *

Инна в это время была в парке, вопреки всему не спешила домой, ей хотелось рассмотреть вечернюю Москву с разного ракурса.

Перед глазами мелькнула девушка с коляской, и она искренне позавидовала. Как сговорившись, они вместе подошли к лавочке. Каждая из них, молча присев стала разглядывать случайных прохожих. Девушка монотонно покачивала коляску, укладывая спать своё маленькое чадо.

Инна, вслушиваясь в скрежет колёс, мечтательно витала в облаках, неожиданно представив себя матерью, что вот также тихо в такт покачивала коляску, убаюкивала малыша тихим монотонным «А-а-а»...

В реальность вернули приближающиеся шаги. Инна вздрогнула.

Это была мать девушки, присев сбоку от Инны та доверительно сказала:

– Моя от любви с ума сошла. Вы уж не обращайтесь на неё внимания.

Инна невольно посмотрела на молодую женщину, ища в ней то самое сумасшествие, не находя ничего странного.

Мать, прикрывая рот рукой, прошептала:

– Она тихая, не буйная. Просто сама не в себе.

Инна вновь посмотрела на рядом сидящую девушку. Та сидела молча ушедшая в себя, не видя никого перед собой, и была белая как полотно. Стало как-то неловко. Девушка, развернувшись, посмотрела в упор, в растянувшейся тонкой линии сомкнувших губ была едва заметна ехидная улыбка. От которой сердце Инны в одночасье похолодело.

Она в ужасе посмотрела на мать девушки.

Та поспешила успокоить:

– Не обращайтесь на неё внимания. Она больная.

Пожилая женщина, положив сумку на лавочку, подошла к дочери, поглажив по голове, с мягкими нотками в голосе, тихо сказала:

– Леночка, надо идти домой, кормить малыша! – с заботой вынимая куклу из коляски, продолжая укачивать на руках.

Девушка тут же встала, сияя улыбкой. Они, откланявшись, отошли. Инна была ошеломлена этим буквально наповал.

Мать больной женщины, что-то вспомнив, вернулась. Взяв сумку, тихо прошептала:

– Вот видишь, допрыгалась... – кивая на дочь, – из-за любви сошла с ума, а я теперь нянчусь с ней.

Как-то уж совсем озлобленно глядя в упор на Инну, тихо шамкая сухими губами, предостерегла:

– Смотри как бы и ты!..

Инна, подскочив на месте, озираясь по сторонам, хлопая выпученными глазами, высокомерно произнесла:

– Не сойду, я счастлива с мужем, никак некоторые!..

Женщина, устало вздохнув, поспешила догнать дочь. Та, остановившись в ожидании матери в глубине аллеи убаюкивала куклу, подгоняя мать окриком. Инна, встав, уверовав в то, что такое с ней никогда не случится, решительно покинула парк.

* * *

За окном оживала ночная жизнь мегаполиса. Девочки толпились на кухне. Не было только Инны, та позвонила, сказав, что на подходе.

Казалось бы, что каждая занималась своим делом. Таня в унынии разглядывала журнал о «Звёздах». Олеся колдовала над кофе. Оля в падении духа мыла посуду, те, отвлекаясь от своих дел, старались её разговорить.

Как-никак, а она из них самая младшая. Всем было по-своему жаль бедолагу.

Видя её кислый, понурый вид, они уже и не знали, как поднять в ней настрой. Недоумевая, что ей надо? Ведь молода, красива как никто из них, да и в принципе всё есть.

Олеся, вздыхая, не глядя в сторону племянницы подала Тане кофе. Та, рассматривая глянецовый журнал, наткнулась на портрет известной кинозвезды. Узнав, что «Звезда» в стадии развода с мужем, продюсером, Таня вдруг неожиданно просияла как «красно – солнышко». Со стороны всем показалось, что в данный момент их подружка была счастлива, наверно по причине того, что теперь хоть не ей одной плохо. «Эгоизм – двигатель женщин!..»

Оля, вздохнув, со стороны констатировала:

– Вот бы нам! Но только таким, как я точно не светит встреча с продюсером.

Зло:

– И где их только находят?

Таня, Олеся, чтобы как-то отвлечь малУю, пригласили её на караоке, чтобы дать ей возможность самой со стороны оценить свои вокальные данные. Оля даже обрадовалась, считая что-то, а петь она точно умеет.

После ужина они дружно отправились в ближайшее кафе «КАРАОКЕ».

Попав внутрь девушки ощутили дискомфорт, там всё в новинку. Кажется, что все посетители смотрели только на них. И это не преувеличение. Олеся и Оля ощущали это так болезненно, что их коробило от косых взглядов.

В принципе не только их, но и Таню, та, как разъярённая змея шипела в разные стороны:

– Ну, чего вылупились? – тут же оправдывая своё шипение перед подругами, – смотрят как на инелошников. Дикари!

Действительно на Таню, Олеся, Олю обрушилось назойливое внимание, особенно со стороны молодого человека.

Тот крутился за одним из столиков, как «веретено» нагло рассматривая девушек, заглушая шум зала, как можно громче выкрикивая кому-то вдаль:

– Вон смотри, какие красотки к нам пожаловали!..

Два парня сидящие вразвалку за соседним столиком в ответ сразу же заржали, и тут же вылупились на новеньких.

Девушки, ощущая спиной шушуканья с соседних столов, поняли, что парень, Макс, пронирующий молодой человек помощник продюсера из шоубиз.

Как только это дошло до слуха Тани, та, моментально встрепенувшись, стала держать осанку.

Однако Макс на неё не обратил ни малейшего внимания.

Его взгляд привлекла Оля.

Хрупкая длинноногая девушка подросток старалась петь, но получалось по-детски наивно смешно и слабо, хотя было настолько трогательно, что завораживало.

Чтобы как-то приободрить девушку, Макс выкрикнул:

– Bravo!.. – хлопая в ладоши.

Подойдя к ней представившись, стал пиарить себя «всемогущего». И как бы, между прочим, сказал, что он из любой девчонки может сделать «Звезду», мол, для него нет ничего невозможного.

Оля, клюнула на эту наживку. Она стала петь намного увереннее, уже более-менее попадая в ноты. Макс от неё просто балдел, поэтому поспешил пригласить в студию.

Захваленная девушка, конечно же, приняла приглашение, подумав: Когда ещё подвернётся настоящий продюсер?!

Через пять минут, ничего никому не говоря, обнимаясь с Максом, выбежала из кафе, оставив в недоумении и Олеся, и Таню.

* * *

Инна в это время была в метро бежала по эскалатору на выход в город.

Поднимаясь, ей померещилось, что на пути следования вверх, держась о поручень, стоит парень в наушниках.

Она даже зазевалась; не понимая, что с ней происходит, оглянулась по сторонам, пробурчав себе под нос:

– Заклинило. Только на фиг он мне сдался? – спотыкаясь, соскочив с эскалатора, побежала к выходу, на ходу звоня по мобильному.

Уже на выходе в дверях, вновь столкнулась с парнем в наушниках. Тот слушал мелодию, монотонно мурлыча под нос. Она на секунду застыла на месте.

Тот, нечаянно задев её плечом, чуть не выбил из рук мобильный, пройдя мимо, как ни в чем не бывало.

Он даже не обратил на неё внимания. Инна, опешив, хватая открытым ртом воздух, как рыба, не смея вымолвить ни слова, проводила его растерянным взглядом. Сквозь стеклянную дверь она заметила, как тот направился к эскалатору, теряясь в очереди. Наверно почувствовав на себе пристальный взгляд, парень машинально обернулся, бессмысленно глядя в одну точку. Его лицо было одухотворённое, скорее всего слушаемая им мелодия нравилась. Инне показалось, что так можно слушать только Бетховена. Представив это уже, и сама окрылённая побежала по ступенькам на выход из подземки. Сознывая, что у неё лёгкое помешательство от новых впечатлений, отметила, что она не виновата, что помимо воли попала в их сеть: Это всё – Аура Мегаполиса! Наживкой стал парень в наушниках, который мерещился в каждом молодом парне. Невольно пробило: Может и впрямь зацепил? Тут же отбросив эту мысль, побежала в направлении дома. По дороге она думала о новой работе, об Олеге Борисовиче.

* * *

В «Караоке» было очень шумно и оживлённо. Олеся, перекрикивая шум и гам, сквозь громкое пение подвыпившей парочки разговаривала с молодым мужчиной, который увидался вокруг неё, как назойливая муха, осыпая комплиментами.

Ей было не до него. Она была уставшая и подавленная от неведения того, где сейчас может быть Олька. Поэтому поспешила пресечь его ухлёстывания, сказав, что замужем. Таким образом, обрубая концы в ненужном знакомстве. Однако в том разыгралась кровь самца, он просто жаждал уединения с ней.

Чтобы как-то избавиться от него, Олеся предложила Тане уйти.

Но та была в эйфории. Вокруг неё кружило сразу несколько поклонников. Девушка явно уже была на подпитии, кажется, перебрала коктейля, отчего глядя с непониманием на Олеся, спросила: «Зачем?»

Ей явно здесь нравилось. Таня не собиралась уходить.

Она, размахивая руками, перекрикивая шум и гам, полупьяно прокричала:

– Раз уж пришли, давай останемся. Здесь так хорошо!..

И это было так. Все вокруг веселились и чему-то радовались, словно всех накормили пиллюлями «счастья и радости».

Ухажёр Олеся уже плавно перешёл к прямому общению с Таней, та цвела и пахла. Ей было не до Олеся.

Зная, что тому только бы получить то, что нужно всем мужикам, Олеся, настойчиво беря ту за руку, повела за собой.

Таня полупьяно пробормотала:

– Ну, зачем мы только пришли? Я не хочу!.. – оглядываясь на мужчину.

Тот, стоя в шоке, ошарашенно смотрел им вслед. Правда, недолго, мигом переключившись на девушку за соседним столиком, расшаркиваясь, стал заискивать перед ней, подобострастно лобзая ручки.

Таня, плетясь за Олесей, обиженно надув губки констатировала:

– Все мужики козлы и сволочи!.. Пробы ставить не на ком!.. Урод!

Через секунду они стояли в холле. Олеся вызвала такси, то незамедлительно подъехало; сев в него поехали домой, не проронив по дороге ни слова.

* * *

Москва такая огромная, что каждую секунду кто-то куда-то едет. Так и Оля, та тоже ехала с Максом в машине, ощущая себя практически «Звездой». Глядя на вечернюю Москву внутренне содрогалась от её величия. Пусть она «сопливая девчонка», но сейчас на равных вот с таким матерым москвичом, как Макс. Тот перед ней распинался, как можно выгоднее преподнося самого себя в её по-детски наивных глазах.

Наконец они подъехали к дому, где находилась студия звукозаписи.

Выйдя из машины, Макс взял Олю под руку, воркуя и улыбаясь, они направились в то самое место, где рождаются «Звёзды».

Макс расшаркиваясь, галантно и учтиво предложил девушке войти первой. Оля, приняв гордую осанку, с нескрываемым интересом сделала шаг внутрь, быть может, в её будущее.

Студия была огромная. В ней всё было поставлено на широкую ногу, по-настоящему. Это говорило, что Макс действительно продюсер. Она окончательно поверила в то, что происходящее с ней более чем серьёзно.

Молодой человек хорохорился, его распирало от собственной значимости, в очередной раз не замедлил пустить пыль в глаза, рассказывая о предстоящих глобальных проектах.

Пафосно говоря, что здесь всё держится исключительно на нём, что приходится крутиться, как «белка в колесе», а иначе не удержаться в шоу-бизе даже на плаву.

Он заигрывал, допуская вольности; предлагая бокал вина на брудершафт, глядя ей в глаза кладя нежный поцелуй на трепетные губы, заманивал её в свои сети, как очередную жертву его чар. Оля уже была готова на всё ради договора с продюсером, как вдруг их «визави» испортило неожиданное вторжение толстого дядьки.

Тот вломился, как к себе домой, полупьяно рявкнув:

– Макс, я что-то не догнал, что здесь делает эта малолетка? Опять устроил «нумера»? – содрогая стены басом, – сколько раз тебе говорить, чтобы не путал хрен с пальцем. Это ни одно и то же.

Пожирая глазами Макса, как удав, тот, кажется, был готов его проглотить. Тогда как на Олю он даже не удосужился посмотреть; потрясая пальцем, вновь рявкнул:

– Разница большая! Твой гонорар! – зло, – хочешь вылететь?

Макс выйдя из штопора, робко сказал, что он делал «пробу»; тупя взгляд, добавил, что как ему показалось, есть необходимость в «новых девочках». Говоря, что «бывшие» уже «подустали». Зритель не ходит и не пойдёт на них.

Мужчина, как оказалось никто-то, а генеральный продюсер. Тот, немного успокоившись, попросил показать, что из себя может представлять стоящая перед ним «малышка». Именно так он назвал Олю.

Макс суетясь, надел на Олю наушники. Поставив ту, как куклу перед микрофоном, включил фонограмму, взмахом руки дал понять, чтобы та начинала петь. Оля с перепуга, даже стараясь, не могла попасть в ноты. Девушка, боясь, что подводит Макса, дрожала как осиновый лист. Всё было просто ужасно плохо, если не сказать, паршиво. Однако Макс ничего не оставалось, как нахвалить. Отчего у той сразу же выросли «крылья за спиной». Мозг стучал: «Я – ЗВЕЗДА». Она и впрямь поверила в себя. Генеральный продюсер не мог оценить достоинств голоса, но активность движения тела его заворожала. Девочка светила от счастья, с лёгкостью подтанцовывала, а это подкупало.

Неожиданно генеральному продюсеру позвонили, он тут же сорвался с места, спеша к дверям. И как гостеприимный хозяин, расплываясь в любезностях, поспешил встретить гостью.

Та, ввалившись капризно надув губки, визгливо произнесла:

– «Котик», а это кто?

Толстый дядька испуганно глядя на Макса, лобзая ручку даме, переходя на фальцет, возмущённо заорал:

– Я не понял! – глядя на Олю, – это кто? Что делают посторонние в моей студии? – отдуваясь, вытер пот с лица.

Макс снимая с Оли наушники толкая в спину, стал, как плебей расшаркиваться перед шефом, мельтеша перед его глазами:

– Лев Николаевич! Так, я, техничку нашёл, как вы и просили!.. – глядя на него и даму.

Оля, сгорая со стыда, горела желанием убежать, даже уже сделала пару шагов. Макс рывком остановил. Она, стоя перед этой компанией, испуганно хлопала глазами. Ей действительно было страшно.

Дама, глядя на генерального продюсера сделала «фи», капризно выдавив:

– Шило на мыло? – глядя на Льва Николаевича, – верни тётку! Та хотя бы не шастала у меня под ногами. Её никто никогда не видел... – беря того под руку; томно заглядывая в глаза, обволакивая взглядом, процедила сквозь зубы:

– А «это» уже выросла, как каланча! – зло глядя на Олю, – маячит у меня перед глазами. Тот словно застыл на месте, пыхтя, отдуваясь, пролепетал:

– Ну, как же ты сама говорила, что хочешь видеть вокруг себя только молодых...

Та, вытянув свою руку, теряя всю свою вальяжность, визгливо крикнула:

– Я что должна петь перед посторонними? Ты же знаешь, я их на дух не переносу!

Макс выпустив Олю из цепких рук, брезгливо стряхивая с ладоней невидимые следы её присутствия, ощеряясь, произнёс:

– Хозяин – барин! Хотел, как лучше!

Не церемонясь с Ольгой, выпроводил за дверь.

Уже стоя за дверью, Оле краем уха послышалось вслед сказанное Максом:

– Я эту в «Караоке» нашёл. Ну, если она нам не нужна, пускай работает на улице! – в ответ послышался мат и смех.

Оля, не выдержав такого позора, расплакалась.

Выйдя из студии, она молча поплелась к метро. Ей было стыдно и по-большому счёту обидно.

Уже в метрополитене стоя на эскалаторе, она позвонила Олеся, та перепугано, спросила, где она.

На что Оля, глотая слезы, пробубнила:

– Не знаю. В метро... – осмотревшись, сказала, – на «Пушкинской»! – продолжая всхлипывать.

Олеся, нервничая, сказала, что сейчас подъедет к ней, только пусть стоит на месте.

Оля истерично закричала:

– Не надо! Сейчас буду! Достали все! Хочу домой!

Стоящий рядом с ней мужчина, тихо спросил:

– Вам плохо?

Оля, опустошённо глядя на него, срываясь, зло прошептала:

– Отстань! Тебя не спрашивают. Что пристал?..

* * *

Олеся, стоя у окна на кухне со стаканом чая в руках не находила себе места. Сев за стол, дрожащей рукой взяв булочку, машинально надкусила, абсолютно не чувствуя вкуса, запив чаем, опять в который раз подумала об Ольке.

Это её выбило из колеи, так стало жалко себя; отчего сразу же невольно вспомнила мать, её мытарства, частые поездки в Москву.

Только сейчас она поняла, что хотела сказать мать, впоследствии рассказывая о том, что и она, как женщина прошла нелёгкий путь в поиске покоя, достатка, счастья. Напрягая память, Олеся старалась вытащить из её недр то далёкое время...

Раненбург. Октябрь 1992 года.

...Стояла глубокая осень. На перроне находились немногочисленные пассажиры, которые ждали прибытия поезда. Тот по непредвидимым обстоятельствам опаздывал на полчаса.

Это было то время, когда многие занимались челночной операцией. Делая вояжи в Москву, за границу. Время было неопределённым. Основная масса людей, не зная, как выжить пользовалась, казалось бы, первостепенным навыком заработать деньги, пытаясь «отбить» их на перепродаже товара. Некогда далеко непопулярное дело некоторым просто шло на руку. Так спекуляция, занимая свои позиции, входила практически в каждую семью немаловажным подспорьем. Поездки «туда-сюда» приносили определённый доход.

Неудивительно, что пассажиры из числа челноков в ожидание поезда сновали по перрону, как муравьи, таская тяжести, как-никак, а это их капиталовложение. Окончательно завалив перрон своим багажом, с облегчением отдуваясь, даже где-то были рады, что ещё есть время. Сноровка предприимчивых людей была на высоте.

Наконец прошла информация о прибытии скорого поезда. В рядах пассажиров стало происходить оживление. Большие китайские сумки в клетку уверенно зашагали к своему месту назначения. К вагонам.

Перрон гудел сильнее гудка приближающегося поезда, но всё же тот набрав всю мощь, прорвал шумовую завесу, тем самым обрадовав всех своим прибытием.

Стоянка была недлительная, около трёх минут. Этого было достаточно для полной оккупации вагонов.

Занявши свои места, пассажиры с облегчением вздохнули, ведь они уже были на нейтральной территории, которая давала им максимальные гарантии спокойствия, пусть на несколько часов. Впереди длинный путь. А там и Москва... Москва! Москва!..

Почему-то именно с ней связывали надежды в решение проблем. Москва была как бы первый шаг к благополучию. Именно ими и жила на тот период мать Олеси Елена, по иронии судьбы попавшая в одно из купе полуаварийного вагона. И сразу же ощутила дискомфорт. В вагоне не было света. Освещение шло от мелькающих огней за окном.

Вагон был до такой степени разбомблён, что говорило о разношёрстности пассажиров, которым в нем было всё дозволено. Пьянство, дебош, бывали частенько. Исходя из этого, почти все двери практически не закрывались; замки были сорваны, чинить их просто не успевали, как, впрочем, не было и средств на это в самой системе Ж.Д.

Налицо было время неопределённости, хаоса и полной безответственности. Пассажиров в этом вагоне было мало, потому было занято четыре купе.

В одном из купе ехала Елена. На беглый взгляд охочего глаза, молодая симпатичная женщина, рассматривающая «бегущие картинки» за окном. Ночь, освещаемая редкими огнями, чередовала ночные виды, показывая по ходу, населённые пункты и блуждающие тени окрестного пейзажа.

Рядом по соседству с Еленой в соседнем купе ехали двое мужчин кавказкой национальности, на вид 40—45 лет, казалось озадаченные своими житейскими проблемами. По всей видимости, те основательно устали от своих странствий неопределённости и неизвестности. Эти тревобления были присуще каждому из челночного бизнеса.

Мужчины разговаривали сидя в полной темноте и какой-то болезненной тишине, едва размыкая губы.

Выходя за бельём, они с интересом отметили своё соседство с миловидной женщиной, на вид не более двадцати лет. Это и привлекло их внимание. Маленький штрих в дорожном

эпизоде облегчил их пребывание в столь мрачном вагоне. Их уже не тяготили часы проведения в нём.

Ведь каждому из них было бы ужасно коротать время в одиночестве совершенно тупой обыденности поездки, идущей в той монотонности, ощущении потери времени и абсолютной бесполезности.

Страдая от скуки, мужчины делали вылазки из своего купе, с интересом поглядывая на свою соседку.

Так в очередной заход один из них осмелился заглянуть в соседнее купе, тем более что дверь была не закрыта. Предлогом была очередная дежурная банальность, которую можно встретить в любой поездке.

К ней заглянул сосед, тот, что был помоложе, ему якобы была нужна соль. Но девушка не была гурманкой, отделялась потреблением дежурных наскоро приготовленных бутербродов. Н.З. при ней не было.

Как показалось, напросилась дежурная тема для завязки разговора, банально: «А почему? А как?..»

Вскоре разговор пошёл ни о чём. О всякой ерунде.

У соседа появилась возможность рассмотреть симпатичную попутчицу. Она располагала к общению, была вежливо предупредительной, даже достаточно серьёзной. И как зачастую бывает в таких поездках, мужчины, освобождённые от каких-либо обязательств по отношению к своим жёнам, дерзали включить обаяние, чтобы понравиться прекрасному полу по максимуму. Стимул «дорожный роман».

Всё это бросалось в глаза, лишний раз, подтверждая закономерность поведения в поездках. Так находясь в своей «тарелке», сосед старался внушить доверие своей собеседнице. Таким образом зацепить её внимание, понравиться.

Во время их непринуждённого разговора мимо них прошла пассажирка того же вагона. Остановившись, та заглянула в купе. И как ни в чем не бывало, стала кокетничать с мужчиной, приглашая того чуть позже заглянуть и к ней в купе. Вероятно, они были знакомы. Скорее всего, по базару. Женщина, судя по ней, была из челноков.

Полупьяный вид и завышенная самоуверенность подчёркивали в ней «Мадам Брошкину». В её адрес была отпущена грубая шутка, обещающая заглянуть к ней на огонёк. Но уже, когда женщина исчезла из поля зрения, мужчина поспешил оправдаться перед своей соседкой, мимоходом поясняя, что женщина ему надоела в прошлый раз, когда он был в Москве.

Со стороны казалось, что тот хотел выглядеть в глазах Елены выше всего того «базарного» в нём. Она ему явно все больше и больше начинала нравиться.

Человек всегда хочет быть лучше, «чище», особенно когда в чем-то «грязноват». Он предъявлял заявку на интеллигентность. А почему бы и нет?! Это по-большому счету даже хорошее стремление «быть человеком с большой буквы». На время оно облагораживает претендента на данные внутренние и внешние качества. Тот и впрямь растёт в своих собственных глазах.

Так периодически заходя к соседке, мужчина, подсаживаясь к ней, скрашивая её одиночество в полной темноте, участливо интересовался, как она в своём одиночестве. Уютно ли?

Честно говоря, ей было страшно в этом пустом и неосвещённом вагоне.

Ночь всех склоняла ко сну, одинокие пассажиры незатейливо устраивались на ночлег, кто как мог.

Елена лежала на своей нижней полке, молчаливо всматриваясь в темноту, думая о своей младшей дочке Олесе, думая, как она там. Справляется ли с ней старшая дочь? Но даже здесь в полной тишине Елена не могла спокойно подумать о своих дочках, её периодически отвлекал скрип сорванной с петель двери.

Это действовало на нервы, ужасало неизвестностью, нагнетало страх. В голову лез один негатив.

Проходящий мимо сосед в очередной раз справился: не боится ли она полного одиночества во мраке ночи? На что Елена, игнорируя вопрос, промолчала. Это дало повод заглянуть внутрь купе и завязать беседу. Спланированный шаг «Дон Жуана». Он явно уверенно шёл к какому-то результату. Совокупность последовательных действий была налицо.

Его поведение было всё в той же вежливо предупредительной форме, в голосе отмечалась забота и опека. Это дало право чувствовать себя «героем». Он уже самоутвердился в своих собственных глазах, думая, что такие позиции занимал и в глазах соседки. Она же с ним была просто вежлива, впрочем, как и со всеми окружающими, не грубить же всем.

Так в боевом настроении мужчина попытался сделать своё наступление в завоевании девушки, при этом недооценивая свою жертву или своего «противника». Им была поставлена определённая цель – добиться её полного расположения. Он считал, что маленький «Порт-Артур» взят без какой-либо капитуляции. Тот, подходя к ней таким маневром, был уже в предвкушение своих мужских иллюзий. Как ни странно, Елена, серьёзно оценив ситуацию, поняла, что та её не пугает, так как уже имелся опыт столкновений в поездках с подобными кратковременными знаками внимания в лице «дорожных ловеласов». Те не заслуживали ничего, кроме, как призрания. Ведь это было слишком банально гнусно, а в каких-то случаях даже и нагло.

Кажется, что так было и на этот раз. Повышенный интерес к ней привносил разочарование. Лишний раз, столкнувшись с низменными чувствами в людях, ощутила во всём этом запахах «грязи».

Принимая всё, как есть, она решила посмотреть, что же будет дальше. Сидя в полной тишине, она спокойно смотрела на пришельца, следя за его последующими действиями. Это в какой-то мере ему придало чувство уверенности. Он начал уверенно раздеваться. Во тьме при редких бликах огней, пробивающихся через грязное стекло окна Елена заметила его дикую улыбку. Это было уродством. Однако это ему не мешало. Мужчина, ощутив себя самцом, шёл к вершине поставленной задачи.

Наконец раздевшись, предстал в полном неглиже. По всей вероятности, считая себя «божеством» в той неотразимой мужской красоте, чуть ли не Аполлоном. Он был просто уверен, повергает ту в лёгкий шок, считая, что просто неотразим. Вид голого мужчины показался до такой степени смешным, что Елена, не сдержавшись, рассмеялась, тем самым сконфузив непрошеного гостя. Тот стоял в полном непонимании.

Она выговаривала свои слова, как приговор. Говоря с сарказмом:

– Да неплохо выглядите!.. – осмотрев с ног до головы, прыснув от смеха, добавила, – но, а теперь оденьтесь! На вас смотреть холодно!

Тот покрылся холодным потом, буквально через пару секунд его бросило в жар; отчего заскрежетал зубами. Он был зол. Что-что, а вот такого облома явно не ожидал.

Кажется, прокрутив на большой скорости сложившуюся ситуацию, тот тут же начал что-то выкрикивать на родном языке, скорее всего проклятия, так как менялся в лице, от испуга до ненависти; зло скрежетал зубами. Поспешно одеваясь на ходу бросая во все стороны слюну, выбежал.

Только после всего этого Елена прочувствовала, и сама всю ситуацию. Ведь всё могло кончиться трагично; однако усмехнувшись, хмыкнув, прогнала набежавшие мысли прочь, остановившись на одной: «Хорошо, когда хорошо заканчивается». Тем не менее, она не смогла окончательно уйти от назойливых мыслей; оставшуюся дорогу провела в напряжении, ожидая возможных последствий. Внутренне собравшись в кулак, убеждая себя, что ничего страшного не произошло, гнала от себя любые негативные мысли.

До прибытия в Москву оставался час. Заспанная проводница сновала по вагону, принимая постельное бельё. В вагоне чувствовалось некое оживление.

Неожиданно в купе Елены появился «горе ловелас» стоя перед ней, потупивши взгляд, тот поспешил сказать слова сожаления, правда, как-то скомкано, глухим надтреснутым голосом. Таким образом, принося извинения. Если честно, Елена не испытывала к нему ненависти. Мужчина был слишком ничтожным в её глазах. Банальность дорожных «Дон Жуанов» только подпитывала чувства брезгливости к мужскому полу. В очередной раз, подтверждая саму сущность мужской плоти, не иначе как «самцов», тем более вырвавшихся на свободу.

Наконец появились первые очертания Москвы.

Поезд прибыл на Павелецкий вокзал. Пассажиры выходили с чувством тревоги, вновь попадая в неизвестную среду.

Столица как никогда была перенасыщена мыслями и чаяниями гостей.

Страх – это первая волна, окутавшая с ног до головы приезжих. Вторая волна – хаос.

Но, несмотря на это, была и третья волна – радость, что несла вперёд, внося новые правила игры «Мегаполис».

Неизвестность не только несла куда-то во всепоглощающий поток, она по-своему манила и придавала эйфорию торжественности пребывания в столице городов русских...

...Олеся, выйдя из прошлого, не могла отделаться от мысли, что на их роду лежит проклятье. Сколько раз она уже в этом убеждалась. Вот и Олькина мать, её старшая сестра Оксана, столько раз обжигалась в поиске женского счастья, даже пыталась менять место жительства; переезжая, выезжая за пределы Раненбурга. Невольно она выдернула из ниши своей памяти события ушедших дней...

Зеленоград. Август 1995 года.

...Переезд на новое место жительства дал возможность приобрести новые знакомства. Так оказавшись вдалеке от родных мест в Зеленограде, Оксана со своим другом, одноклассником Алексом решили жить вместе, создав ячейку общества в виде гражданского брака. Они находились в ожидании чего-то нового. Поэтому хлопоты в приготовлении ужина в один из дней совместной жизни были как никогда в радость, как-никак в тот вечер ждали гостей.

Их суету неожиданно прервал звонок в дверь.

Оксана открыла, заинтересованно остановив свой взгляд на нём на госте, с которым пришла школьная подруга Ольга Климанова. Климашкина!.. Так её за глаза звали, Оксана и Алекс.

Перекрестный взгляд гостя заинтересованно лёг на неё. Оксане стало не по себе, будто её застучали на чём-то неприличном. Однако та не отвела взгляда, а наоборот стала смотреть в упор в поиске чего-то общего между ними возможно знакомого. И действительно через пару секунд отметила в нём что-то близкое, то ли из прошлого, то ли из будущего, что усиливало первое впечатление, притягивало внимание. Он был элегантно одет и на её фоне отчётливо выделялся.

Она выглядела подростком в своём нелепом брючном костюме, ей пошли бы шорты и босые ноги. Олеся была по-ребячьи смешлива, сияла как ясно солнышко в летний день.

Гость был сдержан. Казалось, что он внёс приближение осени. Являя себя хмурой тучей. Лишь изредка его глаза сверкали разрядами молний. Нависло тягостное молчание. Даже его парфюм был с запахом осени. Казался каким-то необычным, вызывающим: холодный, несладкий, в меру терпкий зелёный чай с уловимым оттенком запаха натуральной кожи, мускуса.

Чтобы как-то выйти из паузы Оксана стала тараторить и улыбаться, тем самым привлекая внимание гостя. Это разрядило обстановку. Выпустив пар, все отдышались после

взаимных комплиментов и разговоров не о чём и как-то незаметно плавно перешли к более тесному общению за трапезой.

Всё было на высшем уровне, как для глаз, так и для желудка. Можно было по достоинству оценить неординарные кулинарные способности хозяев уютного гнёздышка. Алекс постоянно выбегал на кухню, суетясь за приготовлением нового блюда, виртуозно доводя то до совершенства. И уже войдя с ним на руках, приводил всех в неопишное изумление. По сути, Алекс был очень гармоничным молодым человеком: красивый, статный. При своём росте 1м 93 см., не казался дылдой, к тому же был умён, обладал прекрасным чувством юмора. Гости определённо старались ему понравиться. Мужчины были более чем галантны, и не в укор им сказать, разговорчивы. Казалось бы, женщины ещё не настроились на «общую волну», а те уже были в «прямом эфире».

Так незаметно для всех прошёл их совместный вечер. Любезно поблагодарив гостей за визит, проводив, Оксана и Алекс остались наедине. Они были где-то как-то счастливы. Немного поворковав, отправились спать. Всё шло как обычно. Интимно уединившись на своей любимой постели, занялись любовью. Сладкое слияние тел на протяжении часа давало приятные ощущения. Наконец напряжение спало, лёгкая дрожь дала понять, что они ощутили оргазм. Он это чувствовал, как и она. Почувствовав лёгкое головокружение, бесильно распластавшись поперёк постели, они лежали уставшими, но счастливыми.

Когда гармония наблюдается в отношениях двоих, то и не нужны слова повествования. Казалось, что у них было всё в порядке.

Они знакомы столько лет: школьная влюблённость, первый секс, визиты вежливости, что отмечались постоянством, как у хорошо знакомых людей. Все это было привычным, что не могло бы как-то вдруг исчезнуть.

Ольга, Климашкина, всегда присутствовала в их жизни, как, то неотъемлемое, как $2+1=3$. Без неё не проходил ни один праздник. Школьная троица понимала друг друга с полуслова.

Невольно napросился разговор об Ольге и её новом ухажёре.

Та, откровенничая с друзьями, накоротке сказала, что с Женькой, а это и был гость на сегодняшнем ужине у неё что-то не клеится. «Какой-то он никакой». Бросив вскользь, что в их отношениях присутствует недопонимание.

Так проболтав с Алексом часа полтора о новых впечатлениях, Оксана, незаметно для себя заснула в его крепких мужских объятьях.

На этом встреча не закончилась. Женя и Оля заходили, как к себе домой и они, Оксана и Алекс, даже были тому рады.

Так в один из совместных ужинов, сидя за бокалом вина, все неугомонно болтали. В разговоре не о чём, стуча вилками, и перебивая друг друга, взгляды Жени и Оксаны пересеклись. Это было так мимолётно, что через минуту каждый казалось уже и не вспомнил об этом.

Проведя шумно вечер, Алекс и Ольга дружно стали убирать со стола посуду. По ходу они что-то бурно рассказывали друг другу.

Из рук Ольги выпал бокал, на что она, смеясь, выкрикнула:

– Нормалёк! К счастью!

Оксана сидела на кушетке. Женя поспешил поднять с пола разбитый бокал. Подняв голову, их взгляды встретились. Его лицо от неожиданности побледнело, по мышцам пробежал озноб. Он отвернулся, немного испугавшись притока чего-то незнакомого и тайного...

...Прошло время. Как-то одним солнечным днём, находясь рядом с домом Оксаны, Женя, осмелился зайти. Это был неожиданный визит, который ни к чему не обязывал. Оксана была одна, по привычке бегая в одной майке, открыв дверь, немного растерялась. Придя в себя, пригласила гостя в дом. Немного поболтав, а у нас, а у вас, они замолчали, кажется, пауза затянулась. Не выдержав напряжения, он, обволакивая томным взглядом, попытался

приблизить её лицо к своему, нежно притягивая к себе за плечи. Вздрыгнув Оксана ощутила дрожь, та предательски бежала по всему телу.

Женя поцеловал её в ожидании дальнейшей реакции. Должно быть, это было давнее любопытство обоих, поддавшись ему, она ответила взаимностью. Вдруг почувствовав, что он ей больше чем нравится. Эта мысль поставила «жирную точку» в штурме разгорячённого мозга. Как ни странно, в его голове по отношению к ней пробежало то же самое. Их с головой накрыла волна влюблённости. Он начал говорить, что она ему сразу понравилась, но понял это окончательно, когда поднимал тот злополучный бокал. Тогда он её по-настоящему разглядел, украдкой остановив свой взгляд на ногах и на том, что было чуть выше. Из-под короткой юбки сидящей Оксаны виднелась интимная часть в утончённом кружеве нижнего белья.

Это было по-воровски, зато впечатлило. Оксана это знала, но спустила своё напряжение на «нет» включая наивность, воспринимая происходящее, как нечто неожиданное. Ей хотелось продлить миг счастья, пусть хотя бы на миг. Таким образом, отчасти бальзамируя сладкими чувствами сердце. Взаимность обогащает внутренний мир, всё вокруг рисуется в розовом цвете.

Так в смятении душ они расстались, не посягая на личную жизнь другого. Им двоим было приятно сознавать, что возможно в других сложившихся обстоятельствах они смело пошли бы навстречу урагану чувств. Но сдерживала дружба. Она не могла предать ни Ольгу, ни Алекса.

Однако их так тянуло в объятья друг друга.

Романтический дух ещё долго витал в воздухе этих молодых людей. Однако отдалённость сделала их просто добрыми знакомыми.

Спустя некоторое время Оксана забежала к Ольге, не думая о нём. Кажется, время выветрило эту блуждающую мысль. Подруги дружно общались, наперебой рассказывая свои новости. Так прошёл целый день. Женя, как третий лишний, не обращал внимания на двух болтливых женщин, лишь иногда вскользь вслух поражался им: Как можно так много болтать?

Наконец наступило время расставания с неожиданной визитёршей, что до сих пор была переполнена эмоциями. Оксана, одновременно болтая и одеваясь, как будто бы не замечала присутствия Жени. Тот где-то как-то даже был немного на неё за это сердит.

Прощаясь с подругой, Оксана на лету поймала на себе его взгляд. Казалось именно этого она, и ждала целый день и как бы ненароком про себя отметила: Завтра ты захочешь меня видеть! Это была шальная мысль уверенной в себе женщины.

Выйдя из подъезда дома, она напрочь забыла о столь наглой мысли, на ходу переключаясь на реальность своей жизни, где ему не отведено место, как третьему лишнему.

На следующий день он был у неё; проделав, спринтерский забег пристрасти, вероятно, хотел убедиться в своих новых чувствах и подтвердить свою уверенность в ней.

Чтобы не двигало его чувствами, они исходили от боли в сердце, которому было необходимо лекарство: победа над болезнью или возможность болеть ею как можно дольше. Это приятный двигатель для его сухой души. Он воспитывал в себе сдержанность. Как когда-то сказал Фалес: «Многословие не показатель разумного мнения». Говоря, что «сухая душа – мудрейшая душа». И он придерживался этой философии, как человек стремящийся создать для себя целостное представление об окружающем мире и своём окружении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.